

Рец. на кн.: MAŁGORZATA MASTALERZ-KRYSTJAŃCZUK.
“OSTATNI MOHIKANIE POMORZA”: LUDNOŚĆ RODZIMA
ZNAD JEZIOR ŁĘBSKO I GARDNO
W PUBLICYSTYCE POLSKIEJ LAT 1945–1989.

Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski;
Akademia Pomorska w Słupsku, 2019. 452 s.

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
ovasiukov@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Сборник «“Последние могоканы Поморья”: коренное население озер Лебско и Гардно в польской публицистике 1945–1989 гг.» под редакцией польского историка Малгожаты Масталерж-Кристьянчук включает несколько десятков статей, опубликованных на страницах польских газет и журналов в период с 1945 по 1989 г. и посвященных кашубской этнографической группе словинцев, которая проживала на территории Польши до 1970-х гг. Послевоенная публицистика, принадлежащая перу как профессиональных этнографов, лингвистов, историков, так и журналистов, путешественников и общественных активистов, знакомила польского читателя со спецификой малой коренной группы Поморья, которое по результатам Второй мировой войны вошло в состав Польши. В обширном предисловии М. Масталерж-Кристьянчук рассказывает о процессе включения словинцев в польскую общественно-политическую жизнь, историческом и культурном контексте, в котором создавались тексты о словинцах, их тематической наполненности, а также о той роли, которую сыграла цензура в практике изображения современных словинцев. Как показывают материалы сборника, в польских научных и политических этноклассификациях словинцы заняли особое место. Будучи немецкоязычными лютеранами, словинцы в силу своего славянского происхождения и предписываемой славянской языковой практики в представлениях польских властей должны были сыграть роль важного аргумента в легитимизации присоединения территорий Западного Поморья. В рецензии дан краткий обзор основных тем, образов и сюжетов о словинцах, представленных в статьях сборника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словинцы, кашубы, немцы, Польша, Поморье, реславянизация, публицистика.

Д л я с с ы л о к : Васюков А. Рец. на кн.: Małgorzata Mastalerz-Krystjańczuk. “Ostatni Mohikanie Pomorza”: Ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945–1989. Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski; Akademia Pomorska w Słupsku, 2019. 452 s. // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 211–224.

d o i : 10.31250/1815-8870-2021-17-51-211-224

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/vasiukov.pdf>

**A Review of MAŁGORZATA MASTALERZ-KRYSTJAŃCZUK,
“OSTATNI MOHIKANIE POMORZA”: LUDNOŚĆ RODZIMA
ZNAD JEZIOR ŁĘBSKO I GARDNO
W PUBLICYSTYCE POLSKIEJ LAT 1945–1989.**

Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski;
Akademia Pomorska w Słupsku, 2019, 452 ss.

Oleksandr Vasiukov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ovasiukov@eu.spb.ru

Abstract: The collection of articles “The Last Mohicans of Pomerania”: The Indigenous Population of Łebsko and Gardno Lakes in Polish Nonfiction 1945–1989, edited by contemporary Polish historian Małgorzata Mastalerz-Krystjańczuk, includes several dozen articles published in Polish newspapers and magazines from 1945 to 1989 dedicated to the Kashubian ethnographic group of Slovincians who lived in Poland until the 1970s. The post-war nonfiction, written by professional ethnographers, linguists, historians, as well as journalists, travelers and social activists, was intended to acquaint the Polish reader with the specificities of the small indigenous ethnic group of Pomerania, fully incorporated into Poland as a result of the Second World War. An extensive preface by Dr. Mastalerz-Krystjańczuk will allow the reader to learn about the specificities of the inclusion of Slovincians in Polish social and political life, the historical and cultural context in which the texts about Slovincians were created, their thematic content, as well as the role played by censorship on the practice of depicting modern Slovincians. As the materials of the collection show, Slovincians had taken a specific position in Polish scientific and political ethno-classifications. Being German-speaking Lutherans, the Slovincians—due to their Slavic origin and the expected Slavic language practice—had to play the role of an important argument in legitimizing West Pomerania’s inclusion in the imagination of the Polish authorities. The review provides a brief survey of the main themes, images, and stories about Slovincians circulating in numerous articles of this collection.

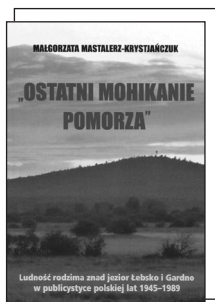

Key words: Slovicians, Kashubians, Germans, Poland, Pomerania, Reslavicisation, Nonfiction.

To cite: Vasiukov O., 'A Review of Małgorzata Mastalerz-Krystjańczuk, "Ostatni Mohikanie Pomorza": Ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945–1989. Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski; Akademia Pomorska w Słupsku, 2019, 452 ss.', *Antropologičeskij forum*, 2021, no. 51, pp. 211–224.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-211-224

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/vasiukov.pdf>

Рец. на кн.: **Małgorzata Mastalerz-Krystiańczuk. "Ostatni Mohikanie Pomorza": Ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945-1989.** Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski; Akademia Pomorska w Słupsku, 2019. 452 s.

Сборник «"Последние могикине Поморья": коренное население озер Лебско и Гардно в польской публицистике 1945–1989 гг.» под редакцией польского историка Малгожаты Масталерж-Кристьянчук включает несколько десятков статей, опубликованных на страницах польских газет и журналов в период с 1945 по 1989 г. и посвященных кашубской этнографической группе словинцев, которая проживала на территории Польши до 1970-х гг. Послевоенная публицистика, принадлежащая перу как профессиональных этнографов, лингвистов, историков, так и журналистов, путешественников и общественных активистов, знакомила польского читателя со спецификой малой коренной группы Поморья, которое по результатам Второй мировой войны вошло в состав Польши. В обширном предисловии М. Масталерж-Кристьянчук рассказывает о процессе включения словинцев в польскую общественно-политическую жизнь, историческом и культурном контексте, в котором создавались тексты о словинцах, их тематической наполненности, а также о той роли, которую сыграла цензура в практике изображения современных словинцев. Как показывают материалы сборника, в польских научных и политических этноклассификациях словинцы заняли особое место. Будучи немецкоязычными лютеранами, словинцы в силу своего славянского происхождения и предписываемой славянской языковой практики в представлениях польских властей должны были сыграть роль важного аргумента в легитимизации присоединения территорий Западного Поморья. В рецензии дан краткий обзор основных тем, образов и сюжетов о словинцах, представленных в статьях сборника.

Ключевые слова: словинцы, кашубы, немцы, Польша, Поморье, реславянизация, публицистика.

Как показывает мой опыт участия в различных конференциях, о том, кто такие кашубы или словинцы, в России знает довольно ограниченное число лиц даже среди профессиональных этнографов и антропологов. Такое положение дел кажется несправедливым в стране, которая была одним из пионеров научного изучения автохтонных этнических групп южного побережья Балтийского моря. Во время своей полевой работы среди кашубов в польском регионе Поморье (польск. *Pomorze*) я неоднократно мог убедиться, насколько в местном индигенном сообществе сильна память об экспедиции молодого историка-слависта Александра Федоровича Гильфердинга, командированного в 1856 г. российской Императорской академией наук на территорию Пруссии для исследования местных славянских групп. Результатом его работы стала публикация

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
ovasiukov@eu.spb.ru

книги «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» [Гильфердинг 1962], которая и сегодня считается неувядающей классикой среди немногочисленных кашубистов в мире¹. После почти полуторавекового забвения эта тема снова может привлечь внимание российского читателя — два года назад вышел сборник современного польского историка Малгожаты Масталеж-Кристьянчук «Последние могикане Поморья»: коренное население озер Лебско и Гардно в польской публицистике 1945–1989 гг.». Судя по названию книги, она призвана показать, как в послевоенной польской публицистике изображалась небольшая этническая группа кашубов — словинцы. Однако, забегаая вперед, хочу отметить, что это издание выполняет гораздо более масштабную задачу. Прочтение нескольких десятков публицистических текстов 1945–1989 гг., очень разных по своему характеру и интенции, но неизменно посвященных крошечной группе с близким уху русскоязычного читателя этнонимом «словинцы», создает картину коллективной драмы автохтонного населения Центральной Европы. Книга представляет трагедию малых этнических групп региона, связанную с послевоенным изменением государственных границ и необходимостью определить население Поморья в рамках нового национального проекта. Через публицистические тексты, которые выходили на страницах польских газет и журналов, можно увидеть, как национальное государство (в данном случае польское) способно нащупывать, легитимизировать и утверждать свои границы.

Сборник «Последние могикане Поморья» — совместный издательский проект научного объединения «Кашубский институт» и Поморской академии в г. Слупске. Малгожата Масталеж-Кристьянчук, специализирующаяся на роли региона Поморье в польской политической мысли, уже около двадцати лет занимается темой изображения и описания словинцев в польской печати². Книга включает 71 публицистическую статью, принадлежащую перу полусотни авторов, и состоит из шести частей, предваренных обширным введением, а также библиографии и указателя имен. Многочисленность и многообразие текстов, включенных в сборник, делает бессмысленным даже краткий пересказ их. Поэтому я ограничусь описанием лишь общих сюжетов о словинцах, кочующих от статьи к статье.

Поскольку главные герои сборника плохо знакомы широкому российскому читателю, кажется уместным сделать общую этнографическую справку. Кашубы проживают на севере Польши,

¹ Признание работы Гильфердинга подтверждает и факт ее перевода на польский язык [Hilferding 1989]. Существует также немецкий перевод 1862 г.

² Советую читателю также обратиться к: [Mastalerz-Krystjańczuk 2003].

в центрально-северной части Поморского воеводства. Они составляют большинство населения в Картузском, Пуцком, Косцежском и Вейхеровском повятах¹, а также значительное меньшинство в Хойницком, Лемборском, Бытовской, Члуховском и нескольких других [Mordawski 2018: 48]. Согласно переписи 2011 г., 233 тыс. человек в Польше назвали себя этническими кашубами, из них 108 тысяч заявили, что владеют кашубским языком [Narodowy Spis 2015: 70]. Традиционно кашубы рассматривались как польская этнографическая группа, а их язык — как специфический диалект польского [Fischer 1926; Bystroń 1947]. Этническая самоидентификация кашубов — актуальная научная проблема, ожидающая подробных исследований. Однако сегодня уже существует движение за признание кашубов отдельным народом или этническим меньшинством². В 2005 г. кашубский был объявлен в Польше региональным языком. В этнографических исследованиях Поморья выделяют несколько культурно-языковых областей в ареале этнического расселения кашубов. Немецкий лингвист Фридрих Лоренц писал о северной, центральной и южной этноязыковых группах кашубов [Lorentz 1934]. Большинство носителей кашубского языка сегодня — это представители центральнокашубской зоны, именно их диалект положен в основу формирующегося на наших глазах кашубского литературного языка.

К началу XX в. северный ареал расселения кашубов простирался по берегу Балтийского моря от Гданьска до озер Лебско и Гардно. Именно здесь, в междуозерье, до второй трети XX в. в десятке деревень проживала специфическая группа кашубов — словинцы, или лебские кашубы. Основным занятием жителей этих болотистых территорий («словинский угол») традиционно было рыболовство, что обеспечивала богатая экосистема третьего по величине в стране озера Лебско. Столицей словинцев считалась деревня Ключки, важными населенными пунктами также были Глувчице, Смолдзино, Гардна. Словинцы значительно отличались от большинства кашубов тем, что, проживая среди местного немецкоязычного населения, активно переселявшегося сюда еще с эпохи Средневековья, к концу XIX — началу XX в. практически полностью перешли на нижненемецкий язык. В отличие от католиков-кашубов, словинцы были лютеранами. Вместе с тем, как отмечали путешественники и исследователи, среди местного населения устойчиво сохранялась память о славянском (кашубском / польском) происхождении. Масталез-Кристьянчук пишет, что послевоенная драма словин-

¹ Повят — единица административно-территориального деления Польши, рангом ниже, чем воеводство.

² Например, данной позиции придерживается организация “Kaszëbskô Jednota”.

цев определялась тем, что они оказались особой категорией населения: будучи славянами-лютеранами, говорящими на немецком языке, словинцы с трудом вписывались в привычные и желаемые для власти этнонациональные категории и классификации. Польскому государству, после того как в 1945 г. оно приобрело контроль над Поморьем, было более или менее понятно, как действовать с местными немцами (депортировать) или же с кашубами (интегрировать с остальными поляками). Но как быть со словинцами? Кем они были в представлении властей, ученых, журналистов и путешественников? Сборник предоставляет уникальный материал, иллюстрирующий рефлексию по поводу того, кем являлись словинцы, а точнее кем они должны были являться для государства.

Читатель может задаться вопросом, почему эта тема исследуется через публицистические тексты? Как пишет Масталей-Кристьянчук, именно публицистика долгое время оставалась наиболее доступным, а значит наиболее влиятельным источником информации о словинцах для польского общества. Публицистические тексты отражали позицию польского государства в отношении автохтонного населения региона (S. 9). Среди обширного числа авторов, чьи тексты вошли в сборник, можно выделить несколько групп. Первая — профессиональные ученые. В послевоенные годы теми, кто имел хотя бы какое-то представление о словинцах и мог познакомить с ними поляков, были прежде всего этнографы. Именно они выступили первыми экспертами. Неудивительно, что издание открывается обширной статьей классика польской этнографии Божены Стельмаховской «Польская молитва западных кашубов», состоящей из двух частей, опубликованных в № 2 и 3 газеты «Polska Zachodnia» в 1945 г. Читатель встретит в сборнике также статьи этнографов Ванды Бжеской и Ришарда Кукера, лингвиста Людвика Заброцкого, историка Станислава Валенги. При этом следует помнить, что перед нами не научный текст, а публицистика, написанная учеными. К другой группе авторов относятся представители регионального движения, работники местных культурных учреждений и музеев, а также кашубские активисты. Среди них можно упомянуть Тадеуша Болдуана, Изабеллу Трояновскую, Леха Бондковского, Казимежа Кветня, а также школьного учителя из словинской деревни Ключки Феликса Рогачевского. Кроме того, в издание включены статьи журналистов, писателей и путешественников, которые посещали словинские поселения ради сбора материала для своих текстов.

Примечательно, что большинство авторов сборника не имеют ни словинского, ни кашубского происхождения. Читатель видит словинцев глазами польских авторов, следовательно их тексты, а также манера представления словинцев дают информацию

не столько об автохтонной славянской группе междуозерья Лебско и Гардно, сколько о поляках и настроениях польского общества первых послевоенных лет. В статьях, посвященных истории словинцев, специфике их языка, сложностям «встраивания» группы в польское общество, проступают очертания польских коллективных представлений о героях и предателях, золотом веке и исторической судьбе, коллективной жертвенности и общих целях на будущее — все то, что британский теоретик национализма Энтони Смит называл культурными ресурсами нации [Smith 2008: 39].

В предисловии к сборнику Масталерж-Кристьянчук выделяет в истории польской публицистики о словинцах несколько этапов, которые различаются как числом текстов, появившихся на страницах польской печати, так и презентацией словинской проблематики в зависимости от эволюции государственной политики в отношении коренного населения Поморья. Первые публикации 1945–1948 гг. посвящены вопросам изменения государственных границ и «открытию» живого доказательства исторической связи Западного Поморья и Польши. Таким доказательством должны были служить группы славян (поляков / кашубов / словинцев), которые сохранились на этой территории, несмотря на многовековое давление германизации. Небольшая этническая группа словинцев в несколько сотен человек стала одним из важных аргументов за присоединение к Польше новых территорий. Такие тексты отличает высокая эмоциональность и патриотический дискурс, призывы установить опеку над словинцами и «вернуть их польскость» (S. 11). Симптоматичны названия статей этого периода: «Жар, который не остыл» Л. Заброцкого (1947), «Словинцы живы» С. Валенги (1947), «Словинцы как доказательство польскости Западного Поморья» С. Пеньковского (1948). В последующие годы (1949–1955) число статей уменьшилось. Цензура запрещала писать о трудностях, с которыми сталкиваются словинцы в коммунистической Польше. Публикации этих лет рисуют идиллический сельский пейзаж, на фоне которого местное население с готовностью включается в строительство народного хозяйства, а вопрос о национальной принадлежности словинцев оказывается практически решен: «Словинские рыбаки трудятся на благо Народной Польши» М. Голы (1950), «Словинка на конгрессе Мира в Варшаве» Т. Болдуана (1950), «Словинцы благодарят за помощь работников Президиума Совета Министров» Ф. Рогачевского (1951).

Политические изменения 1956 г., известные как период “*Odwilż*” (аналог советской «оттепели»), открыли дорогу для критики методов интеграции словинцев предыдущих лет. Наконец стало возможно писать о длительной дискриминации коренного

населения и конфликтах словинцев с государством, а также с прибывающими поселенцами из других регионов Польши: «Время урегулировать дела словинцев» (1957), «Исправляем обиды, нанесенные словинцам» (1957)¹. Для статей с 1958 до конца 1960-х гг. характерна рефлексия над ситуацией, в которой оказались словинцы. Впервые отмечается исчезновение прежнего «словинского мира», связанного с постепенным отъездом автохтонов из Польши. Выдвигаются предложения о создании музея или скансена (этнографического комплекса) словинской народной культуры: «Словинцы в Ключах» Т. Болдуана (1959), «Погибающие сокровища» А. Поляна (1960). Статьи 1970-х гг. продолжают фиксировать постоянный отток словинцев из родных деревень. Это период репортажей и интервью с последними представителями автохтонного населения. Так, по подсчетам Т. Болдуана, в 1974 г. в Ключах оставалось лишь пять коренных жителей. Этой теме посвящены статьи «Клюки говорят по-польски» Я. Теттера (1970), «Среди словинцев. Памятник учителя» Ф. Рогачевского (1975). Последний затронутый в сборнике период 1980-х гг. — время воспоминаний о словинцах, публицистики без ее основных героев: «Остался только скансен» Б. Матушкевича (1984), «Последние следы» (1988). Выделенные автором этапы определили хронологический и тематический принципы структурирования сборника.

Обширное предисловие Масталеж-Кристьянчук предлагает читателю сжатый экскурс в историю словинцев после 1945 г., знакомящий с контекстом публикаций о них. С марта 1945 г. на занятых советскими войсками словинских территориях была создана администрация в виде военных комендатур. Параллельно шло формирование структур польской государственной власти, которая до осени 1945 г. фактически сосуществовала с военной. Присутствие советской армии сопровождалось повсеместным террором в отношении местного немецкого населения. Говорящие по-немецки словинцы были отнесены к немцам, а значит, также оказались объектом насилия и грабежей. В этот период начались как стихийный отток немецкого населения с территорий отошедшего к Польше Поморья, так и организованные польскими властями кампании по выселению этнических немцев в различные немецкие зоны оккупации. Особенно быстро шел отток из Слупского повята, к которому относилось словинское междуозерье. До начала 1946 г. повят покинуло около 25 тыс. человек, или четверть населения. Тогда же стали уезжать и словинцы. Первыми покинуть Польшу пытались бывшие солдаты Вермахта, а также члены их семей. Во время своей полевой работы среди кашубов при записи семей-

¹ Некоторые статьи сборника опубликованы без указания авторства.

ных интервью я то и дело наткнулся на воспоминания о сбежавшем дяде или дедушке из Вермахта, рассказы о котором оставались закрытой темой даже во внутрисемейном общении спустя десятилетия. В ходе массового выселения немцев с территории Польши встал вопрос о том, как поступать со словинцами, которые хотели уехать вместе с немцами. В октябре 1946 г. Польский западный союз¹ обратился с письмом к гданьскому воеводе с просьбой исключить словинские территории из программ депортации немцев, поскольку «язык местного населения представляет интерес для лингвистических исследований и может стать интересным экспериментом реславизации» (S. 46).

Судя по материалам сборника, язык сыграл роковую роль в послевоенной судьбе словинцев. Славянская языковая практика местного населения преподносилась как свидетельство польского национального самосознания. На основании языка словинцы должны были стать витриной славяности / польскости приобретенных территорий, легитимировать включение Западного Поморья в состав Польши. В публикациях 1940–1950-х гг. радостно сообщается, что местное население еще помнит словинский язык, а возможность его утраты описывается как нечто недопустимое. Проиллюстрируем это красочной цитатой из статьи Станислава Валенги 1946 г.: «Было бы страшной и невосполнимой трагедией, если бы оказалось, что в момент, когда к словинцам дошла волна освобождения и возвращения к матери-Польше, уже не осталось словинцев, говорящих по-словински. Ведь словинцы — это живой реликт, остаток и резерват древней славяности этих земель. Это наша лучшая легитимация перед миром, что мы возвращаем свое, а не являемся в Западном Поморье какими-то пришельцами» (S. 76). Поразительно как эта логика воспроизводит дискурс этнографических трудов о кашубах 1920-х гг. Так, еще в 1929 г. классик польской этнографии Адам Фишер писал: «Кашубы, верные своему родному языку, спасли для Польши доступ к собственному морю. Отсюда происходит легко понятная заинтересованность, с которой немцы оспаривают польскость этого населения вопреки научным доказательствам, продемонстрированным нашими учеными» [Fischer 1929: 11]. Славянская речь местного населения должна была оправдать присоединение этих территорий к Польше. При этом речь идет о воображаемой, ожидаемой языковой практике автохтонов, поскольку еще исследования лингвиста Людвика Заброцкого среди словинцев

¹ Польский западный союз (Polski Związek Zachodni) — польская патриотическая организация 1934–1950 гг., целью которой была интеграция территорий, отошедших к Польше после Второй мировой войны, реполонизация местного населения и закрепление новой польско-немецкой границы.

в 1945–1946 гг. показали, что словинским (кашубским) языком ограниченно владели лишь представители старшего поколения.

Тема исчезновения словинского языка заслуживает особого внимания. Еще Гильфердинг, зафиксировав языковой сдвиг среди словинцев, предсказывал, что через 30 лет здесь не останется никого, кто способен говорить по-словински. Тем не менее последних носителей языка встречали и в начале XX в., и в межвоенный период, и сразу после Второй мировой войны. Продуцируя алармистские тексты, журналисты и путешественники писали о последних носителях, которых потом так же сенсационно обнаруживали в следующих поколениях. Таким образом, перед нами устойчиво проступает образ «последней бабушки» или «нового последнего носителя», хорошо знакомый социолингвистам [Иванс 2012]. Тема утраты языка согласуется с дискурсом молчания словинцев. Мы читаем о них в пересказе польских наблюдателей, но почти не встречаем их прямой речи: автохтоны оказываются репрезентируемыми, постоянно требующими посредника. На страницах сборника словинцы почти всегда молчат, то ли из-за незнания языка, то ли из-за нежелания общаться с представителями польского государства. Недоумение и даже сочувствие читателя вызывают воспоминания журналистов (см., например, статью Моника Варненской «Омертвевший лес» (1959) о том, как местное население отвечало на всех их вопросы “*verstehen nicht*”, причем даже те семьи, которые в отчетах этнографов фигурировали как информанты — носители словинского).

Некоторое понимание такого резкого забвения словинцами своего языка нам дает описанная в предисловии история национальной верификации. После перехода к Польше бывших немецких территорий гражданство не было автоматически распространено на все местное население. Чтобы вступить в гражданство, автохтонам необходимо было подтвердить свою связь с польским государством и польской нацией. Одним из таких оснований было сохранение польской культурной традиции в виде языка и даже просто памяти о польском / кашубском происхождении семьи¹. Верификационные комиссии, которые посещали словинские деревни, сталкивались с нежеланием местного населения получать польские паспорта. Словинцы опасались, что приобретение польского гражданства закроет для них возможность миграции в Германию. Отсюда проистекает явное нежелание демонстрировать владение языком, которое отмечают авторы сборника. Словинский язык, таким

¹ За подробным исследованием процедур верификации в Поморье отсылаю читателя к исследованию: [Wykowska 2012].

образом, стал восприниматься сообществом как путы, привязывающие словинцев к Польше.

К сожалению, Масталерж-Крыстьянчук мало обращается к анализу языка описания и дискурса о словинцах, представленных в статьях сборника. Между тем от текста к тексту мы видим утверждение патерналистского подхода к словинцам. Автохтоны предстают как объект, нуждающийся в постоянной защите и опеке со стороны государства. Причем эта необходимость утверждается по умолчанию, без запросов со стороны самого сообщества. Мне кажется уместным употребление термина «матернализм», поскольку в статьях представлен феминно окрашенный образ новой родины. Польша описывается как мать, под заботливое крыло которой вернулись ее блудные славянские дети после многовековой разлуки (см. статьи Ф. Рогачевского, С. Валенги и др.). Опека и забота о словинцах должны реализовываться в виде их последовательной реславянизации (также встречаются выражения «реполонизация», «рекашубизация», «реславинизация», а также «разнемечивание» — “odniemczanie”). Авторы пишут об открытии языковых курсов в словинских деревнях, где будут обучать местное население польскому языку, а в 1950-е гг. победоносно сообщают, что поколение детей-школьников говорит по-польски «уже практически без акцента» (S. 205). Таким образом, государство последовательно проводило языковое переучивание населения. Полевая работа среди современных кашубов позволяет зафиксировать память о такой практике. Так, информантка-кашубка рассказывала мне: «Родителям говорили... годах в 1950–1960-х... что дети должны правильно учиться говорить по-польски, потому что детям будет сложнее в школе, если придут в школу, не зная правильного польского. Это было довольно забавно, ведь большинство родителей тут на Кашубах... того поколения предвоенного... польский был для них как иностранный. И они пытались правильно говорить с детьми. Конечно, говорили они неправильно. Собственно, они сами учились польскому от своих детей, которые позже шли в школу». Такие воспоминания дают двойную оптику: мы слышим голос представителей самой этнической группы, а не только внешних наблюдателей, коими являлись авторы сборника — региональные чиновники, журналисты и путешественники.

Необходимо отметить явную экзотизацию словинцев во многих статьях сборника. Мы узнаем, что путешественники и журналисты, добираясь в словинские деревни, вынуждены были преодолевать непроходимые болота, леса и заросли камышей, переплывать озера и попадали в совершенно новый, удивительный и во многом странный для себя мир. При чтении таких описаний: «Редко можно встретить пейзаж с таким особенным,

суровым и почти что диким лицом» (из статьи А. Буковского от 1950 г., s. 117), — складывается впечатление, что речь идет не о десятке деревень в стремительно индустриализирующемся государстве Центральной Европы, а о наполненном опасностями путешествии в сельве Амазонки. Частые упоминания словинских деревень, «где кони ходят в ботиках», должны убедить читателя в уникальности этой территории, несмотря на то что специальная деревянная обувь надевается на копыта лошадей во многих болотистых регионах Польши. Колонии словинских рыбаков вдоль озер Лебско и Гардно, куда не допускают женщин и детей, описываются словно мужские дома где-то на Борнео. Масталез-Кристьянчук ограничивается объяснением, что таким образом авторы пытались придать сенсационность своим текстам и привлечь внимание читателей. Однако кажется, что проблема глубже. За подобной экзотизацией скрывался устойчивый запрос польского читателя на некоего «другого» в пределах относительной досягаемости. Тот факт, что где-то рядом есть уцелевший этнографический резерват, будоражил воображение. Возможно, запрос на собственного экзотичного туземца сохраняется и сегодня. Как призналась мне в 2019 г. информантка-кашубка, которая занимается организацией краеведческих экскурсий по Кашубии, характеризуя туристов из больших польских городов, «они приезжают сюда, чтобы увидеть каких-то других людей, говорящих по-другому, ведущих себя по-другому». Ощущая запрос на «инаковость», она понимает, что туристы были бы разочарованы, не обнаружив экзотики. Информантка рассказывала, что сознательно имитировала кашубский акцент, чтобы оправдать ожидания клиентов. В логику такой экзотизации вполне укладывается и сравнительный ряд, в который помещают словинцев. Одно из таких сравнений даже вынесено в заглавие книги — «могикане». В предисловии читатель встретит любопытную реконструкцию традиции сравнивать словинцев с могиканами от известного романа Купера до работы Гжегожа Смольского 1902 г. «Последние польские могикане». В ряде статей сборника Западное Поморье становится польским аналогом Дикого Запада, куда устремляются волны колонизаторов-поселенцев, вечно конфликтующих с местными аборигенами.

К сожалению, остается неясен принцип отбора текстов. Очевидно, что в одну книгу невозможно вместить все, что публиковалось о словинцах до краха коммунизма в Польше. Однако непонятно, почему в сборник попало множество однотипных и однообразных статей о славянском прошлом словинцев, их рыбацком промысле и трудностях в новой коммунистической стране, но при этом опущен целый ряд статей с интригующими названиями, которые лишь упоминаются в сносках и на фото-

иллюстрациях. Разумеется, книга рассчитана прежде всего на поляков. Российскому читателю незнакомы многие исторические факты, лица, организации и события, упоминающиеся в предисловии и статьях, поэтому ему потребуется обращаться к дополнительной справочной литературе. Мне также не доставало анализа влияния цензуры и политического вмешательства на характер опубликованных текстов. Хотелось бы узнать подробнее, что и как дозволялось писать о словинцах, а еще более — какие сюжеты и события не попали на страницы прессы. Пока для читателя остается открытым вопрос, где проходит граница между навязанным пропагандой и личными убеждениями авторов.

Порой недоумение вызывают патетичные сентенции, вроде: «О том, что кашубы мыслят и чувствуют по-польски, мы знаем превосходно; за них свидетельствуют могилы погибших и убитых» (S. 63), встречающиеся даже в статьях таких профессиональных ученых, как Божена Стельмаховска, руководитель (1946–1956) кафедры этнографии и этнологии Университета Николая Коперника в Торуне. Сборник значительно бы выиграл, если бы в предисловии содержалась справочная информация о численности словинцев и общей этнодемографической картине Поморья в разные исторические периоды, тем более что в распоряжении историков есть богатые фактологическим материалом работы «Статистика кашубского населения» С. Рамулта (1899) и «Оставшиеся кашубы в Поморской провинции» А. Парчевского (1896). Однако читатель вынужден по крупицам выискивать эту информацию в нескольких статьях Т. Болдуана, Л. Бондковского и др. Книге также не хватает отсылки к широкому историческому контексту. Словинский случай представлен очень локально, мы видим микромир десятка словинских деревень середины XX в., в то время как в очень похожей ситуации оказался целый ряд этнических групп обширной польско-немецкой приграничной зоны: кашубы, силезцы [Karch 2018], варяжки [Traba 1994], мазуры [Sakson 1990] и др.

Несмотря на эти замечания, я уверен, что книга не оставит равнодушным российского читателя, расширит его представления о судьбе автохтонных этнических групп Центральной Европы после Второй мировой войны и, возможно, побудит к дальнейшему изучению западнославянских миноритарных групп. Тех, кто почувствует интерес к этой проблематике, можно отослать к современным исследованиям познаньского антрополога Мариуша Филипа, которому довелось работать среди последних мигрировавших в Германию словинцев из Клюк, а также их потомков, — статье «Почему словинцы не хотят разговаривать» [Filip 2015] и монографии «От кашубов к нем-

цам: идентичность словинцев в перспективе антропологии истории» [Filip 2012].

Как признает Масталей-Кристьянчук, история словинцев должна быть написана заново. Составленный ею сборник не стоит воспринимать в качестве источника по истории словинцев или кашубов, однако его материалы демонстрируют, как эволюционировала позиция польского государства в отношении коренных этнических групп. После прочтения книги я неожиданно поймал себя на мысли о том, что она напомнила мне монографию Ю. Слезкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера». Как для российского государства и общества взаимодействие с коренными народами Севера стало тем зеркалом, которое позволяло рассмотреть самих себя, так и в дискуссиях о том, кто такие словинцы, в приписывании им определенного поведения и эмоций, в попытках сделать их «настоящими», «правильными» поляками, мы видим, как польское послевоенное общество искало и познавало себя.

Источники

Mordawski J. Geografia Kaszub. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 2018. 108 s.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011: Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. 256 s.

Библиография

Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1862. 191 с.

Иванс Н. Последний носитель умер — да здравствует последний носитель! // Вахтин Н.Б. (отв. ред.). Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия: В 2 т. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. Т. 1. С. 494–526.

Bykowska S. Rehabilitacja i weryfikacja narodowościowa ludności polskiej w województwie gdańskim po II wojnie światowej. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2012. 534 s.

Bystroń J. Etnografia Polski. Warszawa: Czytelnik, 1947. 232 s.

Filip M. Od Kaszubów do Niemców: Tożsamość Słowińców z perspektywy antropologii historii. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2012. 238 s.

Filip M. Dlaczego Słowińcy nie chcą rozmawiać? O antropologicznym czytaniu historii // Rocznik Antropologii Historii. 2015. Т. 5. No. 8. S. 167–188.

Fischer A. Lud polski: podręcznik etnografji Polski. Lwów: Zakład Narodowy Ossolińskich, 1926. 244 s.

Fischer A. Zarys etnograficzny województwa pomorskiego. Toruń: Instytut Bałtycki, 1929. 70 s.

- Hilferding A.* Resztki Słowian na Południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1989. 269 s.
- Karch B.* Nation and Loyalty in a German-Polish Borderland: Upper Silesia, 1848–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. XV+332 p.
- Lorentz F.* Zarys etnografii kaszubskiej. Toruń: Instytut Bałtycki, 1934. 156 s.
- Mastalerz-Krystjańczuk M.* Kaszubi-Słowińcy w świetle publicystyki polskiej z lat 1945–1959 // *Słupskie Studia Historyczne*. 2003. No. 10. S. 203–226.
- Sakson A.* Mazurzy, społeczność pogranicza. Poznań: Instytut Zachodni, 1990. XV+341 s. (*Ziemie Zachodnie. Studia i materiały*. No. 15).
- Smith A.D.* The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2008. XV+245 p.
- Traba R.* Niemcy — Warmiacy — Polacy, 1871–1914: Z dziejów niemieckiego ruchu katolickiego i stosunków polsko-niemieckich w Prusach. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego, 1994. 264 s.

Александр Васюков

A Review of Małgorzata Mastalerz-Krystjańczuk, “*Ostatni Mohikanie Pomorza*”: *Ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945–1989*. Gdańsk; Słupsk: Instytut Kaszubski; Akademia Pomorska w Słupsku, 2019, 452 ss.

Oleksandr Vasiukov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ovasiukov@eu.spb.ru

The collection of articles “*The Last Mohicans of Pomerania*”: *The Indigenous Population of Łebsko and Gardno Lakes in Polish Nonfiction 1945–1989*, edited by contemporary Polish historian Małgorzata Mastalerz-Krystjańczuk, includes several dozen articles published in Polish newspapers and magazines from 1945 to 1989 dedicated to the Kashubian ethnographic group of Slovincians who lived in Poland until the 1970s. The post-war nonfiction, written by professional ethnographers, linguists, historians, as well as journalists, travelers and social activists, was intended to acquaint the Polish reader with the specificities of the small indigenous ethnic group of Pomerania, fully incorporated into Poland as a result of the Second World War. An extensive preface by Dr. Mastalerz-Krystjańczuk will allow the reader to learn about the specificities of the inclusion of Slovincians in Polish social and political life, the historical and cultural context in which the texts about Slovincians were created, their thematic content, as well as the role played by censorship on

the practice of depicting modern Slovincians. As the materials of the collection show, Slovincians had taken a specific position in Polish scientific and political ethno-classifications. Being German-speaking Lutherans, the Slovincians—due to their Slavic origin and the expected Slavic language practice—had to play the role of an important argument in legitimizing West Pomerania's inclusion in the imagination of the Polish authorities. The review provides a brief survey of the main themes, images, and stories about Slovincians circulating in numerous articles of this collection.

Keywords: Slovincians, Kashubians, Germans, Poland, Pomerania, Reslavicisation, Nonfiction.

References

- Bykowska S., *Rehabilitacja i weryfikacja narodowościowa ludności polskiej w województwie gdańskim po II wojnie światowej*. Gdańsk: Instytut Kaszubski, 2012, 534 ss.
- Bystron J., *Etnografia Polski*. Warszawa: Czytelnik, 1947, 232 ss.
- Evans N., 'The Last Speaker Is Dead — Long Live the Last Speaker!', Newman P., Ratliff M. (eds.), *Linguistic Field Work*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pp. 250–281.
- Filip M., *Od Kaszubów do Niemców: Tożsamość Słowińców z perspektywy antropologii historii*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2012, 238 ss.
- Filip M., 'Dlaczego Słowińcy nie chcą rozmawiać? O antropologicznym czytaniu historii', *Rocznik Antropologii Historii*, 2015, t. 5, no. 8, ss. 167–188.
- Fischer A., *Lud polski: podręcznik etnografii Polski*. Lwów: Zakład Narodowy Ossolińskich, 1926, 244 ss.
- Fischer A., *Zarys etnograficzny województwa pomorskiego*. Toruń: Instytut Bałtycki, 1929, 70 ss.
- Hilferding A., *Ostatki slavyan na yuzhnom beregu Baltijskogo morya* [Remnants of the Slavs on the Southern Coast of the Baltic Sea]. St Petersburg: V. Bezobrazov's Printing House, 1862, 191 pp. (In Russian).
- Hilferding A., *Resztki Słowian na Południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego*. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1989, 269 ss.
- Karch B., *Nation and Loyalty in a German-Polish Borderland: Upper Silesia, 1848–1960*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, XV+332 pp.
- Lorentz F., *Zarys etnografii kaszubskiej*. Toruń: Instytut Bałtycki, 1934, 156 ss.
- Mastalerz-Krystjańczuk M., 'Kaszubi-Słowińcy w świetle publicystyki polskiej z lat 1945–1959', *Słupskie Studia Historyczne*, 2003, no. 10, ss. 203–226.
- Sakson A., *Mazurzy, społeczność pogranicza*. Poznań: Instytut Zachodni, 1990, XV+341 ss. (*Ziemia Zachodnie. Studia i materiały*, no. 15).
- Smith A. D., *The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2008, XV+245 pp.
- Traba R., *Niemcy — Warmiacy — Polacy, 1871–1914: Z dziejów niemieckiego ruchu katolickiego i stosunków polsko-niemieckich w Prusach*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego, 1994, 264 ss.